

**ОГРАНИЧЕННОСТЬ И БЕЗГРАНИЧНОСТЬ НООСФЕРНОГО
ЧЕЛОВЕКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЭТОЛОГИИ ЗАКРЫТОСТИ И ОТКРЫТОСТИ**

ДМИТРИЙ СМИРНОВ

Ивановский государственный университет, Россия

smirnovsg@ivanovo.ac.ru

МЕРИНЕ МЕЛИКЯН

Ивановский государственный университет, Россия

melikyanma@ivanovo.ac.ru

**LIMITATION AND INFINITY THE NOOSPHERIC MAN
THROUGH THE PRISM OF ETHOLOGY OF INSULARITY AND OPENNESS**

DMITRY SMIRNOV

Ivanovo State University, Russia

MERINE MELIKYAN

Ivanovo State University, Russia

Abstract

The article is dedicated to the analysis of the binary ethology of the modern information person (man). Historical and culturological retrospectives of “ethology of openness” and “ethology of isolation (closeness)” are presented. Within the framework of noospheric anthropology, the shift from a “bio-social” anthropological paradigm to an «info-social» one is recorded. The binary essence of the ethology of the global man is revealed through the concept of technogenic modality and noogenic modality; simultaneously, its asymmetry is revealed along the plane of expression / plane of content axis. The heuristic nature of these ideas is fixed within the “uni-human / all-human” discourse and the theory of autrophicity. Coordinates of a futurological forecast with respect to the anthropic future of man are proposed in light of a number of twentieth century concepts. A conclusion is drawn about a possible complementarity in the comparison between noospherity and technospherity in anthropological discourse.

Keywords: technospheric man, noospheric man, ethology of openness, ethology of isolation, noospheric anthropology, noospheric history.

«Единая идея человека», которую лелеял сравнительно недавно М. Шелер, осталась несбывшейся мечтой. Унгрунд общества массового потребления XX века настойчиво взывал к дискредитации и дискретизации феномена человека (Тейяр де Шарден, 1987) и его «человеческого качества» (Печчеи, 1980) и, в конечном итоге, победил. Эта бесславная победа породила целую исследовательскую тенденцию, итогом которой стала своеобразная антропологическая мозаика, обозначившая себя в научном и околонучном дискурсах в виде эксцентричной совокупности «homo legens» (Человек читающий..., 1990), «homo ludens» (Хейзинга, 1992), «homo aestheticus» (Грякалов, 2013), «homo soveticus» (Соколов, 2009), «homo symbolicus» (Кассирер, 1998), «homo informaticus» (Еляков, 2012), «homo ecologus» (Гирусов, 2013; Титаренко, 2015), «homo philosophicus» (Крапивенский; Карчагин, 2006), «homo economicus» (Веряскина, 2009; Коваленко, 2005), «homo semeion» (Смирнов Д., 2011), «L'Homme révolté» (Камю, 1998)... Подобная интенция понятна и объяснима сциентистским упоением методологией микроскопизации человечества. Вместе с тем диалектический, дополнительный в своей сути, принцип предполагает эвристичность и оппозиционного принципа телескопизации антропосоциогенеза.

Предмет нашего исследования — поворот в антропологических исследованиях, связанный с обнаружением за многообразием «человекообразных парадигм» единого основания, коренящегося, с нашей точки зрения, в базовых координатах этологии. Современная философская антропология рождает в своих недрах оригинальный синтетический срез, который может быть обозначен как «ноосферная антропология», который показывает, что «в современном мире происходит не столько взаимодействие между внешними формами, сколько между внутренними», и что «это приводит к изменению природы человеческого: из вещественной и энергетической она все более превращается в информационную» (Смирнов Г. С., 2003: 25). Этот тезис связан с концепцией В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, которая утверждает смену «биосоциальной» антропологической парадигмы на «инфосоциальную».

Предметом этой «новой антропологии» оказывается информационно-семиотическая организованность современного природно-социального бытия, в которой возникают и развиваются антропологические модели, образующие бинарную систему. В ней выкристаллизовываются два антропологических типа современной глобальной

информационной реальности — человек техносферный (*homo technosferus*) и человек ноосферный (*homo noosferus*). Цель настоящей статьи заключается в рассмотрении этих двух феноменов в контексте противоречивых тенденций глобализации — «этологии открытости» и «этологии замкнутости».

Именно эти две парадигмы раскрывают дискурс этиологии глобального человека (Меликян, 2016). Его сущность раскрывается в «ноэтических критериях» (императив когерентности, экологический императив, интерактивный императив, космический императив, императив толерантности, императив духовности, антропный императив, императив глобального мышления, императив соборности и антиутопический императив), которые выступают инструментами снятия тупиковых сценариев (Лесков, 2003: 235). Они имеют смысл правил запрета тупиковых эволюционных паттернов и соответственно определения разрешенного коридора действий, обеспечивающих минимальный риск выхода на эволюционные сценарии, далекие от оптимума» (Лесков, 2003: 238—239). При обращении к этим критериям традиционная постановка вопроса «что делать?» утрачивает смысл. Теперь вопрос ставится иначе: «чего не делать?». В этом контексте квинтэссенцией глобального этоса (Смирнов, Меликян, 2017) оказывается ноосферный императив, который может быть сформулирован следующим образом: «благо ноосферы (единого космопланетарного тела человеческой цивилизации) — высшая цель, благо человека — конечная цель, а их единство — абсолютная цель» (Смирнов Г., 2015: 321). Он в цивилизационном плане определяет телеологию истории.

Ноосферная история как процесс подстраивания материальных форм под формы духовной активности человека (Смирнов Д., 2012: 142) характеризуется эпохами «этологии открытости» и «этологии замкнутости (закрытости)». В историческом контексте этиология открытости знаменует период интенсивного преобладания интеллектуального над материальным, содержания над формой. Этиология закрытости, напротив, характеризует период доминирования формы над содержанием, материального над духовным. Наглядным примером этиологии открытости, наверное, является эпоха Ренессанса, когда человек как «мыслящий тростник», становится, по меткому выражению Тейяра, не статическим центром мира, а осью и вершиной эволюции. Этиология закрытости разворачивается в средневековой модели мира, задаваемая различными институциональными формами табуирования. В историко-

философском плане эта оппозиция предстает несколько иначе, например, через соотношение сверхчеловека и богочеловека; первый из которых этологически свободен (в том числе от нравственных установок), а второй этологически органичен (концептом самоограничения, аскезы). С культурологической точки зрения она принимает, например, форму заочного противопоставления Гамлета и Дон Кихота, где соперничают такие человеческие качества как эгоизм и альтруизм, активизм и пассивизм, оптимизм и скептицизм... XXI век создает собственные эталоны «героизации» человека, релевантные изменившимся условиям и факторам антропосоциогенеза.

Современный человек — *homo sapiens sapiens* — информационен по своей системной организации. Глобальное антропологическое бытие хорошо описывается через основной ноосферный закон — информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество (Дмитревская, Портнов, Смирнов, 2002). Его «модальность» определяется в зависимости от направленности индивидуальной и коллективной жизнедеятельности. В силу этого можно вести речь о техногенной модальности и ноогенной модальности. Первая предполагает использование духовной энергии на адаптацию ко все более усложняющейся техносфере и ее всемерное усовершенствование, тогда как вторая ориентирована на сохранение и усложнение антропологической (индивидуальной и коллективной) целостности. В терминах А. В. Смирнова техногенная модальность задается через категорию общечеловеческого, а ноогенная модальность фиксируется в категории всечеловеческого (Смирнов А., 2019). Здесь этология замкнутости по модели общечеловеческого поддерживает парадигму «монообразия» (европейских / англосаксонских целе-ценностных установок). Этология открытости по модели всечеловеческого, напротив, демонстрирует эвристичность культурного разнообразия, что является залогом устойчивости цивилизационных форм. Если первая «предполагает моно-, а не много-, логичность культуры и объявляет логику одной, определенной локальной культуры безальтернативной и подлежащей воплощению в глобальном цивилизационном проекте» (Смирнов А., 2019: 28—29), то вторая постулирует «самоценность и нередуцируемость логик каждой из культур, составляя важнейшее обоснование многоцивилизационного проекта» (Смирнов А., 2019: 29). Учение об автотрофности человечества В. И. Вернадского (Вернадский, 1993), будучи экстраполированным на современность, позволяет говорить о «безграничной»

космо-планетарной сущности человека. Экологическая составляющая концепции фиксирует в качестве цели человека, живущего в условиях глобальных проблем современности, преодоление социально-антропологических деформаций и ограничений. Вместе с тем философская антропология нового технологического уклада последовательно реализует установку формирования новых форм зависимости человека от первой и второй природы, быть может более сильных, нежели естественная зависимость от биосферы.

Как мы видим, современность оказывается своеобразным хронотопом, в котором разворачивается борьба между этиологией открытости и закрытости (замкнутости), между этосом информации и этосом знания, человеком техносферным и ноосферным. Мы исходим из того, что техносферный человек ориентирован на этиологию закрытости, тогда как ноосферный человек – на этиологию открытости. При этом эта бинарность представляется асимметричной: закрытость носит формальный характер, а открытость – содержательный. Этиология замкнутости предполагает «количественные» ограничения, связанные со способами коммуникации, восприятия информации, анализа данных, их жизнеспособности. Этиология открытости предполагает содержательную безмасштабность, «качественное» преодоление рамок техносферы, что достигается следованием ряду императивов. Она утверждает несводимость к безальтернативному дискурсу, подлежащему тотальному воплощению, а в антропологическом ракурсе предполагает «всемерность» этиологии человека.

Футурологический прогноз фьючерной взаимодинамики техносферного человека и ноосферного человека должен ориентироваться на следующие моменты. Праксиология современного человека не сводима ни к чисто трудовой, утилитарной, прагматической деятельности, ни к материально-экономической, или техносферной деятельности. Информационный человек оказывается не только в иной аксиологической сфере, но и в предельно широкой праксиологической сфере, основные параметры которой неотрывны от аксиосферы. Он амбивалентен и динамичен, но всё же в нём есть основное атрибутивное свойство – стремление к целостности в свободе. Бунтующая и играющая ипостаси нового глобального человека амбивалентны: первый открыт изменениям, он их жаждет и более того – генерирует своей бунташной жизнедеятельностью; второй – играет, но играет по определенным правилам, что

является неотъемлемым атрибутом всякой игры как таковой. Ограниченность игры правилами все же допускает бунт, выход за рамки дозволенного. Вместе с тем их объединяет самоотдача игре и бунту, которые выступают для них «реальной реальностью». Эта самоотдача не носит, как нам представляется, патологического характера, она, скорее, проективна, нежели деструктивна. Даже применительно к бунтующему человеку, девизом которого является «всё или ничего»; ничего – это и есть инверсия всего. (Ультра)специализация человека экономического ставит будущее поколений в непосредственную зависимость от «власти слепых субъектов рынка власти и капитала планеты». Ситуация, когда *homo business* берет верх над *homo sapiens*, а «рынок подчиняет своим интересам истощающиеся природные ресурсы человечества и даже интеллект поколений» (Василенко, 2008: 144), преодолевается на антропологическом уровне. Человек техносферный не фиксирует и не рефлексивизирует взаимосвязи сложных планетарных семиотик, а пользуется ими как инструментами для выполнения различных повседневных операций, тогда как человек ноосферный способен уловить их сущностную связь как дополнительную.

Восхождение сознания к разуму (Смирнов Д., 2011) предполагает превозможение антропологического несовершенства, преодоление границ, с ним связанных. В ноосферном ключе это «повелительно требует от человека потенциального или актуального подвига для преодоления этих несовершенств» (Лосев, 1988: 319), экзистенциально понимаемого подвижничества. Ноосферность здесь предстает как определенная форма отношений, «взаимообусловленности материального и идеального в развертывании исторического процесса» (Смирнов Г., 2008: 99), конкретно-историческое ощущение и понимание своего единства с миром, который постоянно расширяется, заставляя тем самым расширяться и человеческую субъективность (Смирнов Г., 2003: 47). Техносферный дискурс, напротив, задает тренды унификации и формализации, требует подчинения нормам и правилам «жизни в сети». Аналоговые формы субъект-субъектных отношений объявляются неэффективными в современном социально-экономическом хронотопе: смерть Автора приближает и смерть Человека. В пределе техносферный человек может быть представлен как человек узко специализированный, а, как справедливо замечает П. Тейяр де Шарден, подобная специализация рано или поздно убивает (Тейяр де Шарден, 1987: 132). Закономерным

образом поколенческое воспроизведение специализации приводит к культурному отмиранию «лишних» функций, до известной степени невозможных в произвольном порядке. Таким образом, абсолютизация технократизации культуры, равно как и набирающего популярность культа техносферного человека, которого часто именуют «цифровым», ведет к диссипации, эрозии культуры. Ноосферность в этом ключе выполняет секьюритологическую функцию; она способствует формированию ситуации сохранения культурно-антропологических практик.

Ноосферность как форма самоподчинения человека сознанию, а не бытию (Смирнов Г., Смирнов Д., 2012) неизбежно вступает в противоречие с дигитальностью как доминантной характеристикой индивидуального и коллективного бытия современной цивилизации. Последняя знаменует собой закономерный этап антропосоциогенеза: «качества человека представляют собой сущности, тождественные наличным условиям бытия», а «изменение этих условий ведет к возможному появлению новых качеств» (Келеман, 2005: 23). Изменившиеся условия — переход от биосферы к техносфере — определили смену детерминант социокультурной динамики, точнее, их специализацию.

Философская рефлексия позволяет в смысловом плане рядоположить ноосферного человека и человека техносферного, несмотря на их разномасштабность (разномасштабность). Парадигма дополнительности позволяет взглянуть на эти антропологические феномены с точки зрения «формально-содержательного дуализма». В условиях еще слабо развитого информационного общества отношения ноосферности и техносферности описываются своеобразным законом обратного соответствия: чем сильнее ноосферность, тем ниже техносферность как когнитивная замкнутость, и наоборот, чем выше техносферность, тем слабее ноосферность как способность трансцендирования к предельно важным сущностям. Таким образом, эти антропологические свойства вполне могут быть использованы в качестве «качественных» индикаторов динамики (все)человеческой цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

Василенко, В. Н. (2008). Триалог о ноосферной природе и судьбе человечества. – В: *Век глобализации*. 2008. № 2, 142–145.

Веряскина, В. П. (2009). Блеск и нищета «Номо есопотісис»: теоретическая модель и ее онтологический статус. – В: *Философские науки*. № 2, 9–27.

Вернадский, В. И. (1993). Автотрофность человечества. – В: *Труды. Воспоминания современников. Суждения потомков*. Г. П. Аксенов. (Сост.), М., Современник, 462–486.

Гирусов, Э. В. (2013). Биосферно-ноосферная концепция В. И. Вернадского в контексте глобализации мира. – В: *Ноосферные исследования*. Вып. 1 (3), 18–39.

Грякалов, А. А. (2013). Эстетическое и политическое в контексте постсовременности: топос НОМО AESTHETICUS. – В: *Вопросы философии*. № 1. С. 49–57.

Дмитревская, И. В., Портнов, А. Н., Смирнов, Г. С. (2002). Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы. Часть I. – В: *Ноосферные исследования*. Вып. 1. Иваново: Иван. гос. ун-т, 151 с.

Еляков, А. Д. (2012). Номо informaticus и современная информационная среда. – В: *Философия и общество*. № 3, 38–59.

Камю, А. (1998). Человек бунтующий. – В: Камю А. *Сочинения: в 5 т.* Харьков, Фолио, 1998. Т. 3, 59–360.

Кассирер, Э. (1998). *Избранное. Опыт о человеке*. М., Гардарика, 784 с.

Келеман, Л. А. (2005). *Интеллигентность как интегральное качество человека*. Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 222 с.

Коваленко, С. В. (2005). *Антропологические основания ноосферогенеза*. М., Флинта: Наука, 288 с.

Крапивенский, С. Э., Карчагин, Е. В. (2006). Номо philosophicus: человек философствующий. – В: *Философия и общество*. № 3 (44), 5–24.

Лесков, Л. В. (2003). *Нелинейная Вселенная: новый дом для человечества*. М., ЗАО «Изд-во «Экономика», 446 с.

Лосев, А. Ф. (1988). *Дерзание духа*. М., Политиздат, 366 с.

Меликян, М. А. (2015). Между техносферой и ноосферой в поисках человеческого качества. – В: *Вестник Ивановского государственного университета*. Серия: Гуманитарные науки. № 2 (15), 30–35.

Меликян, М. А. (2016). Этология глобального человека. – В: *Ноосферные исследования*. № 1-2 (13-14), 118–133.

Меликян, М. А., Смирнов, Г. С. (2020). Ноосферность: концептуальная логика антропологической транзитивности. – В: *Вестник Ивановского государственного университета*. Серия: Гуманитарные науки. № 1, 109–115.

Печчеи, А. (1980). *Человеческие качества*. М., Прогресс, 302 с.

Смирнов, А. В. (2019). *Всечеловеческое vs общечеловеческое*. М., ООО «Садра»: Изд. Дом ЯСК, 216 с.

Смирнов, Г. С. (2003). Интеллигенция как ноосферный аттрактор будущего. – В: *Интеллигенция XXI века: тенденции и трансформации. Материалы XIV Международной научно-теоретической конференции*, Иваново, 25 - 27 сентября 2003 г. Иваново, ИГУ, 46–48.

Смирнов, Г. С. (2003). Ноосферная антропология: поиски предметной области. – В: *Антропологическое измерение глобализационных процессов: материалы*

- межвузовской научной конференции «Философско-антропологическая аналитика бытия человека в глобальном мире» (Владимир, 7–9 октября 2003 г.). Владимир: ВГПУ, 24–26.
- Смирнов, Г. С.** (2008). Философия интеллигенции и ноосферная история: синергетический подход. – В: Интеллигентоведение в системе гуманитарных наук: исследования и учебно-методические разработки. Меметов. В. С. (Отв. ред. Иваново: Иван. гос. ун-т, 98–128.
- Смирнов, Г. С.** (2015). *Образование ноосферы: философско-методологические проблемы эволюции сознания*. Иваново, ИГУ, 504 с
- Смирнов, Г. С.** (2017). Ноосферная гуманистика: пробоематизация планетарного разума. – В: *Этически исследования*. Брой 2, кн. 2, 197–214.
- Смирнов, Г. С., Смирнов, Д. Г.** (2012). Ипостаси ноосферной истории. – В: *Известия высших учебных заведений*. Серия: Гуманитарные науки. Т. 3, № 1. 21–28.
- Смирнов, Д. Г.** (2011). Семиотические основания эволюции Универсума. – В: *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова*. № 3, 80–84.
- Смирнов, Д. Г.** (2011). Восхождение сознания к разуму: онтогенез и филогенез в ноосферной истории. – В: *Вестник Ивановского государственного университета*. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 2 (12), 11–26.
- Смирнов, Д. Г.** (2012). «Видеть или погибнуть»: эволюция универсума и ноосферная история. – В: *Ученые записки Орловского государственного университета*. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 4 (48), 142–148.
- Смирнов, Д. Г., Меликян, М. А.** (2017). Глобальный этос совершенного человека: фило-дискурс основного морального отношения. – В: *Этически исследования*. Брой 2, кн. 2, 215–230.
- Соколов, А. В.** (2009). *Поколения русской интеллигенции*. СПб., Изд-во Санкт-Петербургского гуманитарного ун-та профсоюзов, 672 с.
- Тейяр де Шарден, П.** (1987). *Феномен человека*. М., Наука, 240 с.
- Титаренко, Л. Г.** (2015). Типы экологического поведения: homo ecologus vs. Homo consumer. – В: *Социологический альманах*. 2015. № 6. 105–115.
- Хейзинга, Й.** (1992). *Ното ludens. В тени завтрашнего дня*. М., Издательская группа «Прогресс»: «Прогресс-Академия», 464 с.
- Человек читающий. Ното legens. Писатели XX в. о роли книги в жизни человека и общества*. Бэлза, С. И. (Сост.). М., Прогресс, 1990. 720 с.
- Шелер, М.** (1994). Положение человека в Космосе. – В: Шелер М. Избр. Произведения. М., Гнозис, 129–193.